

Посвящается Джо — как же иначе.

Соединив свое сознание с сознанием Фрейда, девушка увидит, как жестоко ее обманывает ее собственный разум.

*Филип Рифф,
предисловие к «Доре: анализ одного
случая истерии» Зигмунда Фрейда*

ПРОЛОГ

Голоса приходят и уходят. Как простуда. Как плохая погода. Как перепах по выходным. Я не знаю, как долго они здесь и собираются ли остаться. Должна сказать, они вполне дружелюбны.

Остро чувствуя их присутствие, я оглядываю сцену действия и первым делом замечаю машины. Потом пробку, растянувшуюся почти на милю и похожую на извивающуюся змею. Я щурюсь от яркого белого света фар. Семьи спасаются от городского гула, мужчины спешат домой к своим женам. Девушки на шпильках и в модных платьях едут через весь город в свои квартиры, чтобы переодеться для большого ночного загула. Все куда-то спешат, что-то делают, с кем-то встречаются.

«Только не я», — говорю я себе.

«Только не я».

В мире нет крохотного уголка, который я хотела бы назвать своим и где мне было бы приятно уединиться. Никто не знает, какой хаос творится в моей душе. Как она горит. Все мои ошибки высечены на моем напряженном лице.

Я продвигаюсь вперед на дюйм, чтобы ощутить прилив адреналина. В глубине души я всегда знала, что все закончится именно так: я, Голоса и внешний уступ Моста прыгунов, на котором я балансирую.

Я хватаюсь за перила позади, чтобы унять дрожь, и призываю себя вспомнить, как я оказалась здесь, почему у меня в левой руке какой-то ключик. Ведь я как-никак правша.

Однако ничего не вспоминается, мое сознание пусто, как страница, с которой стерли текст.

И давно я здесь стою, цепляясь за перила? Да с такой силой, что костяшки побелели. Словно я отправилась в заезд своей жизни — на «американских горках», на поезде-призраке. От холода мои руки, сжимающие поручень, покрылись гусиной кожей. А по пояснице разлилась боль.

Терять время всегда плохо. Это выражение безумных. Индикатор того, как я близка к тому, чтобы полностью лишиться рассудка.

«Сконцентрируйся, — приказываю я себе. — Собрись».

Голоса откашливаются. У меня во рту пузырится мокрота. Я сплевываю ее вниз на перемещающиеся машины, и она летит в направлении, указанном ветром. Как все ретивые инфорсеры¹, они сегодня, кажется, одолеют меня, будут с осуждением тыкать в меня пальцами, дополняя каждый жест ненавистью и угрозой.

* * *

Я смотрю вниз на изготовившуюся темноту...

Вспышка.

Мрак крадет меня на мгновение...

Вспышка.

В моем сознании всплывает образ отца, что совсем не редкость.

Закинув ногу на ногу, он сидит в вольтеровском кресле, что мы купили на гаражной распродаже. Я открываю глаза и вижу, что на нем черный пиджак от «Кромби» и синий галстук — все цвета синяков. Тусклый взгляд и щетина на подбородке — это расплата за вчерашний вечер. Над его левой рукой качается воздушный шарик «Хелло, Китти».

Вспышка.

— С днем рождения, моя сладкая куколочка, — шепчет он.

¹ Член гангстерской банды, функцией которого является принуждение к выполнению ее требований. — *Здесь и далее прим. пер.*

ВОСЬМАЯ ЛИЧНОСТЬ

— Спасибо, папа, — говорю я, потирая сонные глаза. — Я уже большая, поэтому уже не могу быть твоей маленькой куколкой. Но я сладкая. Сладкая, как котенок.

Вспышка.

Не желая, чтобы он был последним, кого я возвращаю к жизни, прежде чем отпустить навсегда, я представляю Элли. Мы обе сидим у нее во дворе, на нас шорты из обрезанных джинсов и хлопчатобумажные топы, завязанные за шею, на ногах — силиконовые шлепки. В полуденном воздухе разливается запах жасмина. Я по столу передвигаю кувшин с пивом с ослепительного солнца в тень. Соленые орешки из миски держат в узде нашу жажду.

Неожиданно Элла придвигает ко мне серебряную корбочку с серебряным бантом. Я тяну, очень осторожно, за ленточку, и бант распадается. Внутри потрясающей красоты серьги с драгоценными камнями.

— Зеленые, — говорит она, — в цвет твоих глаз.

Воспоминание успокаивает меня, и на секунду у меня возникает желание вернуться назад, в безопасность. Моя беспомощность ослабевает. Но потом по щеке стекает одинокая слеза, напоминая мне о том, что она сделала.

Нервы натягиваются, я снова смотрю вниз.

«Как она могла? Дрянь».

Тупая, отчаянная тоска пронзает мое пустое тело, мои руки разжимаются. Голоса тихо мне нашептывают:

«Прыгай, чертова плакса».

ДЭНИЕЛ РОЗЕНШТАЙН

Я подхожу к своему столу и смотрю в открытое окно на янтарный августовский вечер. Солнечный свет струится через завесу склонившейся глицинии. Я заглядываю в свой ежедневник, проверяя дела на завтра: «Четверг, 8.00. — Алекса Ву».

Обычно я начинаю свой день не так рано, до девяти, просто сегодня пошел ей навстречу, нарушив свое правило. Незначительная уступка, потому что она ищет работу на полный день, уже договорилась о нескольких собеседованиях, а также работает по вечерам — есть ли у меня возможность встретиться рано утром, она могла бы прийти в любой день, но только рано? Именно это она наговорила на мой автоответчик, при этом ее голос дрожал, словно она была на грани срыва. Меня это удивило. Я предположил, что, вероятно, ей трудно кого-то о чем-то просить из-за возможности получить отказ.

Моя секретарша перезвонила ей на следующий день и известила ее о том, что у меня есть свободное окно по вторникам и четвергам. Будет ли ей удобно прийти в какой-то из этих дней? Она согласилась; они договорились о времени и дате; я добавил Алексу в свой реестр пациентов.

Возможно, другие психиатры отказались бы менять заведенный распорядок дня, но я давно уяснил, что подобные жесты укорачивают путь к построению отношений, и убежден: те, кто прошел через опыт определенного подстраивания под других, в конечном итоге научаются идти на компромисс.

ВОСЬМАЯ ЛИЧНОСТЬ

* * *

За окном пациенты борются с усталостью. Сдерживая зевоту, свесив голову и опустив плечи, они с трудом передвигают ноги — в последней попытке выполнить упражнение, прежде чем перед ужином одна из медсестер проводит их в палату. В начале занятия они выглядели дезорганизованными и перевозбужденными — мечущийся взгляд, неловкие движения — и заторможенными препаратами, что они принимают против невроза.

Устроившись на жесткой деревянной скамейке, четверо пациентов решают отдохнуть; не желая общаться друг с другом, они таращатся на огромный дуб и окружающий его островок травы. Их руки сложены на коленях ладонями вверх, как будто они просят милостыню.

Вдали на электропроводах расселась стайка невозмутимых черных дроздов и сразу напомнила ноты на нотном стане. Их песня завораживает, пока они не перелетают на яблони с румяными яблоками; теперь их хор звучит из-под плотной листвы.

Я выдвигаю верхний ящик своего письменного стола и достаю пакетик «M&Ms» — с остатками кофе я позволяю себе съесть шесть желтых, с арахисом, драже. Кофе я пью черный с тремя кусочками сахара — давний обычай, заведенный восемь лет назад, вскоре после того, как меня назначили практикующим психиатром в «Глендаун». Я ставлю чашку на керамическую подставку; подставка расписана вручную, на ней сцена из басни Эзопа «Черепашка и Заяц» — это подарок бывшего пациента. От шеф-повара с биполярным расстройством; она с нежного возраста, с одиннадцати лет, фантазировала, как поджигает предметы. На тринадцатый день рождения она подожгла весь гардероб своей матери: тлеющая «Шанель» превратилась в горку пепельных конфетти. Мне нравится смотреть на подставку, вспоминать, к чему привели бахвальство и самонадеянность зайца. Мораль истории: никогда не спать на работе. Особенно когда у твоего пациента-пиромана есть доступ к зажигалке.

Некоторые клиницисты утверждают, что эротизация дарения имеет глубокий смысл благодаря своей связи с либи-

до; что часто подарок олицетворяет любовь и привязанность, которые не всегда облакаются в слова. Даже Фрейд, упоенный своими теориями, считал, что первый интерес ребенка к фекалиям возникает потому, что он считает их даром, оставленным по настоянию матери, и через них проявляет свою любовь к ней. Дальнейшие озарения привели Фрейда к обнаружению подсознательной связи между дефекацией и ее отношением к охоте за сокровищами, но тут у меня возникает много вопросов. Возможно, иногда сигара — это просто сигара, подарок в своем буквальном смысле. А какашки — просто какашки.

Близится вечер, мои мысли обращаются к ужину. Неожиданный приступ голода вынуждает меня навести порядок в медицинских картах, напоминалках, почте, а также положить на место нож для открывания писем — тоже подарок, от Лукаса, выздоравливающего алкоголика, который каждый вечер в течение часа строго следовал ритуалу, порожденному ОКР¹, и упорно искал серийных убийц в ящике для столовых приборов.

«Но они же не плоские», — поддразнивал его я.

Лукас на это улыбался и закатывал глаза, а потом, прежде чем одиннадцать раз топнуть ногой в костюмных туфлях, признавал, что нуждается в контроле и что он страдает навязчивым неврозом.

Пять лет назад, когда умерла Клара, в один из дней ко мне заявила Сюзанна, которая вообще редко баловала меня своими визитами. Доедая свой рогалик с солониной, она сказала, будто случайно оказалась рядом. Она оглядела мой кабинет и в шутку, с лукавым блеском в глазах, назвала его «Музеем реликвий мозгоправа».

«Папа, твои пациенты абсолютно везде! — воскликнула она. — На письменном столе, на стенах, на полках. Они даже в этой жалкой кухоньке! Ты хоть понимаешь это? Пора бы уже платить им!»

¹Обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР) — заболевание, вызывающее навязчивые мысли, которые могут привести к компульсивным действиям.

ВОСЬМАЯ ЛИЧНОСТЬ

В тот раз я расхохотался — моя добрая смешная доченька. В полной мере ребенок своей матери, с такими же зелеными, как трава, живыми глазами и иссиня-черными волосами. В те дни ее широкие плечи поникли от горя. Помню, я еще долго улыбался — шутка дочери вынудила мышцы моего лица приподнять уголки рта, — хотя скорбел по своей жене. Ее смерть продемонстрировала, что я не могу больше игнорировать пустоту внутри себя.

ГЛАВА 2

АЛЕКСА ВУ

Наверное, я умру от восторга. Серьезно. Причина: Элла Коллетт — лучшая подруга, искренняя и чистосердечная и, если судить по вчерашнему вечеру, великолепная сваха! Вот так. Мне не только предстоит свидание, но оно уже назначено. На следующую субботу. На девять вечера. В Хокстоне.

— Он просто не мог отвести от тебя глаз, — шутит Элла, многозначительно глядя на меня. Тушь, опавшая с густо накрашенных ресниц, осела темными пятнами под нижними веками.

Уже одетая, я прыгаю на свою кровать, оседлываю худую Эллу и принимаюсь ее щекотать; в голове шумит после вчерашних нескольких порций водки с тоником.

— Точно не мог! — торжествуя кричит она, защищаясь от меня.

— Ш-ш-ш, — говорю я, похлопывая себя по голове.

— Точно не мог, — шепотом повторяет она.

Я краснею, как краснею всегда, когда Элла бывает такой. Потому что вспоминаю о том случае, когда мой Здравый смысл задался целью свести меня со своим бывшим школьным приятелем и в одну из пятниц, подзаправившись алко-голем, в торопливом телефонном разговоре пригласил его к себе домой. Мы оба здорово захмелели от дешевой русской водки. Но на этот раз все по-другому. На этот раз парень мне действительно нравится. Он забавный. И умный. Красивый,

но не слишком. Высокий, но не огромный. И у него потрясающее тело, за такое и жизнь отдать не жалко. Умереть — не встать!

Мы познакомились вчера вечером в Хокстоне, где оказались после того, как Элла заявила, что не желает еще один вечер просидеть дома и выпивать, пересматривая «Девочек».

— Неужели тебе не хочется с кем-нибудь познакомиться? — позвонила она мне. Ее вопрос звучал скорее как требование. — К нам на работу пришел классный парень, он раздавал флайеры в новый клуб — называется «Электра». Мы с ним поболтали. Я вот и подумала, что это может быть прикольно. Похоже, по-другому.

— В каком смысле по-другому? — спросила я.

— Ну, просто по-другому.

И я пошла. И мы познакомились. Тот самый классный парень и я. Элла представила нас друг другу, когда он принес нам стильные коктейли в высоких запотевших стаканах. Взгляд его голубых глаз брал в заложники всех девушек, сидевших в баре. Элла заметила, как у меня отвисла челюсть, едва я посмотрела на него. Потом она исчезла куда-то, предварительно трижды пожав мне руку — код, который мы используем, чтобы подбодрить друг друга.

«На помощь», — одними губами произнесла я, чувствуя, что у меня вспотели ладони, а живот скрутило спазмом. Тут я поймала его улыбку и нервно ответила на нее. Он наклонился ко мне и чмокнул. Я посмотрела за него и увидела полный зал красивых тел и девушек, исполняющих непринужденный бурлеск на узкой сцене с зеркалами. Одна девушка с длинными рыжими волосами и ногами от ушей изображала близость с хромированным шестом. Ее плечи мерцали, ее взгляд был устремлен куда-то вдаль, когда она пальчиком касалась изящного золотого ожерелья с крохотным ключиком. Я тарачилась на нее дольше, чем следовало бы, замороженная ее извивами; ее идеальное тело вызывало у меня желание убежать домой и больше никогда не есть. Однако взгляд классного парня вернул меня обратно, пригвождая к месту. Потрясенная, я ощутила, как воздух наполняет мои легкие.

Вспышка.

ВОСЬМАЯ ЛИЧНОСТЬ

Резко вырвавшись из воспоминания, я вижу Эллу, она из озорства сложила под подбородком руки в виде сердечка.

— Алекса и Шон, сидят на дереве, Ц-Е-Л-У-Ю-Т-С-Я, — весело восклицает она, глядя на одни из моих многочисленных часов. — Черт!

— Что? — испуганно кричу я. Во рту пересохло.

Она сталкивает меня с себя.

— Черт! Черт! Проклятье! — Она подскакивает и подбегает с пола моей спальни свои обтягивающие джинсы.

— Почему ты меня не разбудила? — возмущается она.

— Я думала, ты взяла отгул, — говорю я, зная, что я отнюдь не тупица.

— Взяла, только мне надо сидеть с ребенком, ты что, забыла? Сейчас же короткие каникулы. А мама нашла временную работу.

Ребенок, то бишь Грейс, — это младшая сестра Эллы. Для тринадцати лет она не особо своевольна, однако у нее есть склонность к магазинному воровству. Месяц назад это была пара выпрямителей для волос, через неделю — стимпанковые комиксы и манга-поп! Виниловые пластинки из «Запрещенной планеты». Она засунула их под свитер, но огромный, с козлиной бородкой охранник поймал ее. Он не сдал ее в полицию, просто попугал, заставил поплакать, а потом вызвал миссис Коллетт, что, если честно, было значительно хуже, чем вызывать полицию.

— Если хочешь, мы могли бы тебя подвезти, — предлагаю я, опрокидывая стопку глаженной одежды, что лежала на моем дубовом комод. — Анна везет меня в «Глендаун», и мы могли бы по пути подбросить тебя.

Элла успокаивается.

— Ладно, — говорит она, зная, что ей очень идет, когда она обиженно надувает губы, — это было бы здорово. Грейс после вечеринки ночует у подруги, я заберу ее оттуда, и мы с ней пешком дойдем до дома.

Она опять бухается на мою кровать. Ее идеальные руки подпирают идеальный подбородок. Такой, который выглядит красиво везде: в зеркале, на фото, в симпатичных шарфах, в водолазках. Везде. Я подхожу к ней, изображая из себя фото-